

Словно ведро ледяной воды выплеснули прямо на голову, и всё то жаркое, необузданное чувство, что только что бурлило внутри Ци Ханя, в один миг схлынуло, оставляя после себя лишь холод и пустоту.

Он тут же отстранился, пальцы дрожали от растерянности, и он даже не смел взглянуть Фу Гэ в глаза.

Взгляд маленького бета больше не был туманным и растерянным. Та милая и зависимая наивность, с которой он тянулся к Ци Ханю, рассыпалась, как разбитая маска.

— Ты... что делаешь? — его голос дрожал, но звучал холодно и отстранённо.

Ци Хань выпрямился, пытаясь что-то сказать, но слова застряли в горле. Ни единого звука.

Фу Гэ тихо хмыкнул, и в этом коротком смешке слышались и обида, и унижение. Его лицо пылало от стыда и гнева, последняя тонкая завеса сорвана, и он стоял перед Ци Ханем, будто без одежды.

— Значит, ты знал, что я вижу галлюцинации? — в его голосе звучала горькая насмешка. Фу Гэ бросил быстрый взгляд на одностороннее стекло изолированной комнаты, а затем вспомнил палату с точно таким же окном. Тревожный холод пробежал по спине.

Все они были односторонними. Сколько же времени Ци Хань наблюдал за ним снаружи?

— Тебе весело было, да, председатель Ци? Смотреть, как я, как дурак, тянусь к пустоте, умоляю тебя не уходить, — Фу Гэ яростно сжал кулаки. — Приятно было, да?

— Скажи, а если бы я не очнулся? Ты бы что сделал? Залез ко мне в постель и поставил на мне свою вонючую метку, чтобы я до конца жизни был пропитан твоим запахом?

Громкий стук. Стеклопепельница взлетела в воздух, просвистела в миллиметре от лица Ци Ханя, с грохотом врезалась в стену и рассыпалась на мелкие осколки.

Ци Хань молча потянулся за влажной салфеткой и медленно поднёс её к шее Фу Гэ, осторожно касаясь кожи, словно та могла обжечь.

— Не бойся. Пометить уже не получится, — его голос был тихим. — Шанс был только один.

Он аккуратно провёл салфеткой по коже на его шее, плечах, вдоль ключиц, будто стирая следы.

— Я коснулся только плеча и шеи. Я всё стёр.

Ци Хань аккуратно поправил его пижаму и начал застёгивать пуговицы одну за другой, стараясь не смотреть ему в глаза.

Голос маленького бета прозвучал хрипло и холодно:

— Ты же выпускал здесь феромоны, да?

— Да, — тихо ответил Ци Хань, пальцы на мгновение замерли. — Врач сказал, что так тебе будет легче... комфортнее.

Фу Гэ прикрыл глаза, словно не желая больше видеть его.

— Я хочу в другую комнату. Твой запах отвратителен.

Рука Ци Ханя дрогнула, но он не поднял головы, лишь застегнул последнюю пуговицу и отстранился.

— Понял. Я всё устрою.

Он вышел из изолированной комнаты, и в тот момент, когда дверь захлопнулась, успел заметить, как Фу Гэ, забившись в угол кровати, отвернулся к стене, обхватил колени руками и накрыл глаза полотенцем, будто не хотел больше видеть этот мир.

Ци Хань вдруг остро пожалел о том, что так необдуманно ворвался сюда. Не потому, что слова Фу Гэ больно резанули по сердцу, оставляя после себя саднящую рану, а потому что теперь, когда исчезла даже эта иллюзия, Фу Гэ придётся пережить остаток течки в одиночестве.

Как оказалось, всё было даже хуже, чем Ци Хань мог представить. Даже для омег с партнёром и ингибиторами течка была серьёзным испытанием.

Это походило на то, будто в тело влили мощнейший афродизиак, заставляя каждую жилку, каждый нерв пылать огнём. Всё тело горело, разум плавился от жара, а разум и достоинство разваливались, не оставляя ничего, кроме дикого, звериного желания. В самых глубинах нутра будто бы копошились сотни тысяч голодных муравьёв, бесконечно грызущих изнутри.

Фу Гэ уже в третий раз потерял сознание в изолированной комнате.

Он лежал на боку, съёжившись под тяжёлым одеялом, которое давно промокло от пота. Тонкие руки беспомощно обнимали себя, лицо, мокрое от слёз и пота, было спрятано в сгибе локтя.

Влажные пряди липли ко лбу, а из прикушенных губ раз за разом срывались тихие, жалобные всхлипы.

— М-м... Пожалуйста... Помогите... помогите мне... — плакал он, задыхаясь от жара, и, сжимая ноги, судорожно дёргал покрывало дрожащими пальцами. Обнажённая из-под одеяла нога подёргивалась от спазмов. Но сил даже просто выпрямиться и потереть сведённую судорогой ногу у него не было.

Ци Хань стоял по другую сторону стекла, не смея даже моргнуть, и с ужасом смотрел, как Фу Гэ, словно выброшенный на берег, изо всех сил пытался справиться с болью.

Тонкая ножка в очередной раз дёрнулась, мышцы под кожей болезненно напряглись, и маленький бета наконец-то смог немного приподняться, опираясь на кровать. Но стоило ему протянуть руку к ноге, как тело подкосилось, и он вместе с одеялом с глухим шлепком рухнул на пол.

— Сяо Гэ! — голос Ци Ханя сорвался.

— М-м... — лишь едва слышный стон сорвался с губ Фу Гэ, но даже в этом полубессознательном состоянии он тянулся к спасению, словно утопающий, хватаящийся за соломинку.

Сердце Ци Ханя будто разорвалось на части. Он больше не мог терпеть. Не раздумывая, он пинком открыл дверь и бросился внутрь.

Фу Гэ в ужасе отполз назад, судорожно хватая всё, что попадалось под руку, и бросал это в него, будто это был единственный способ защититься.

— Убирайся! Пошёл вон! — кричал он, глаза пылали яростью, но голос был дрожащим и сломанным.

Ци Хань не обращал внимания на боль. Он одним движением подхватил Фу Гэ на руки и укутал его в одеяло, стараясь быть как можно аккуратнее.

— Хорошо, я уйду, я сразу уйду, — его голос был полон боли и умоляющей мягкости. — Дай мне помочь, Сяо Гэ. Клянусь, я ничего не сделаю.

Аромат белого колокольчика хлынул волной, мягко, но непреклонно заполнив собой всю комнату. Фу Гэ, дрожа, кусал губы, отчаянно пытался вырваться, пинался и бился из последних сил.

— Не трогай меня... Уходи... Не смей меня трогать! — хрипло выкрикивал он, судорожно извиваясь.

— Я не трогаю, не трогаю! — Ци Хань, прижимая рукой ушибленный глаз, поднял ладони в жесте сдачи, дыша тяжело, но пытаюсь говорить мягко: — Я же через одеяло... Не касаюсь тебя.

Но Фу Гэ будто ничего не слышал, его истерика только усиливалась. Он размахивал руками, бессвязно выкрикивал что-то проклятиями, бил Ци Ханя по плечам и груди, а тот только молча сжимал его запястья, стараясь не навредить.

— Хорошо, хорошо, не бей так сильно, а то рана откроется, будет снова кровь... Ты же сам боишься крови... — шептал Ци Хань, чувствуя, как руки предательски дрожат.

— Не твое дело! Прекрати строить из себя хорошего! — пронзительно вскрикнул Фу Гэ, захлёбываясь собственными рыданиями. Бинт на ладони покраснел ещё сильнее, и тогда, не зная, что делать, Ци Хань схватил вилку с прикроватной тумбочки и сунул её Фу Гэ в руки.

— Сяо Гэ! Хорошо, смотри, я ничего не делаю! Если я хоть пальцем шевельну, ты можешь прямо сейчас проткнуть меня этой вилкой.

— Пошёл к чёрту! Всё плохо! Всё-всё плохо! — всхлипывал Фу Гэ, сжимая вилку так, что пальцы побелели.

— Кто ты... Что всё это значит... Я не хочу тебя... Мне нужен мой мистер Медвежонок... Мой мистер Медвежонок давно не приходил... — хрипло шептал он, вцепившись в ворот рубашки Ци Ханя, и густые ресницы слиплись от слёз.

— Ты прогнал моего Медвежонка... Ты даже его отнял... Я ненавижу тебя...

Ци Хань дрожал, крепко обнимая его, губы едва не касались макушки. Горячие слёзы падали на взъерошенные волосы, и голос срывался, полный боли:

— Но я и есть твой Медвежонок... Ты хочешь его, но не хочешь меня...

Фу Гэ, должно быть, понял это. Сколько бы он ни сопротивлялся, тело уже давно подчинилось инстинктам, и едва тёплый аромат альфы наполнил комнату, как его силы быстро угасли.

Беспомощные толчки стихли, рыдания перешли в тихие всхлипы. Будто маленький зверёк, наконец нашедший тёплое место, Фу Гэ сам невольно прижался к нему, доверчиво уткнувшись в грудь.

Он не мог насытиться. Даже когда его глаза уже закрывались, даже когда он, кажется, почти погрузился в сон, он всё ещё судорожно втягивал воздух, всхлипывал, как будто боялся, что запах исчезнет.

— Не торопись, дыши медленно. Ещё много есть.

Фу Гэ, с закрытыми глазами, упрямо втянул ещё одну большую порцию, тихо всхлипывая, и даже во сне умудрялся бормотать:

— Мне не нужно...

Ци Хань тихо рассмеялся, но в уголках глаз всё ещё блестели слёзы.

— Не хочешь, но всё равно вдыхаешь. Если ты не хочешь, тогда кому же я нужен... — Ци Хань слабо улыбнулся, голос его звучал глухо. — Кто ещё примет мой запах, если не ты?

Такой Ци Хань выглядел настолько нелепо и беспомощно, что если бы это увидел Чэнь Син, то немедленно бы облил святой водой проверяя, не вселился ли в него дух.

Но Фу Гэ было не до шуток. Течка забирала слишком много сил, и маленький бета, не успев насладиться, быстро ослабел. Его веки налились тяжестью, а голова безвольно уткнулась в грудь Ци Ханя. Вскоре дыхание стало ровным и сонным.

Ци Хань аккуратно поднял его на руки и уложил на кровать, сам расположился рядом, продолжая выпускать феромоны. Пусть даже завтра Фу Гэ придёт в ярость и возненавидит его ещё сильнее — сейчас он не мог оставить его одного.

Врач специально предупреждал, что феромоны нельзя выпускать слишком много сразу. Тело Фу Гэ слишком давно не получало их, и резкий избыток мог только навредить.

Поэтому Ци Хань выпускал их понемногу, тонкими струйками, чтобы аромат не распространялся дальше, чем на полметра. Но даже в полусознательном состоянии Фу Гэ, судорожно вдыхая, тут же отворачивался к стене, морщась и вздрагивая, будто сам не понимал, хочет этого или нет.

— Ну и ладно, — тихо вздохнул Ци Хань, поглаживая его по голове. — Не хочешь — не надо. Я подожду.

— Отвернёшься — и не почувствуешь, — Ци Хань, удерживая его за подбородок, осторожно, но настойчиво развернул Фу Гэ лицом к себе, тут же крепко прижимая его к груди. — Будь паинькой и спи ко мне лицом.

— Не хочу... — Фу Гэ, полусонный, упрямо отвернулся, показывая затылок, и пробормотал сквозь сон: — Не хочу видеть тебя.

Ци Хань, прикрыв глаза, тихо зашипел от боли — рана на плече снова разошлась, тонкая

струйка крови закапала на простыню. В уголках глаз выступила едва заметная краснота.

— Но ты ведь раньше даже днём засыпал у меня на руках, — выдохнул он, голос едва не дрожал. — Говорил, что когда открываешь глаза и видишь меня, то настроение сразу становится лучше... Или это больше не считается?

Фу Гэ во сне раздражённо сморщился и, ещё сильнее забравшись в одеяло, повернулся к нему спиной, теперь уже выставив напоказ лишь мелко дрожащую спину и... попу.

Ци Хань тихо вздохнул, но не сдался. Осторожно, стараясь не задеть рану, он тоже свернулся дугой, укрывая его своим телом и подсовывая руку под голову, чтобы тот мог вдыхать феромоны.

Но Фу Гэ оказался чертовски упрямым: едва его разворачивали лицом к груди Ци Ханя, как он тут же упорно отворачивался обратно. Когда Ци Хань мягко придерживал его ладонью, Фу Гэ сердито отталкивал её, бормоча что-то невнятное.

В конце концов, устав от бесконечных попыток, маленький бета сердито схватил его руку и прижал к своему лбу, сморщив нос с таким видом, будто его заставили грызть лимон:

— Отвали... Ты воняешь...

Ци Хань застыл, опустил глаза и сжал губы, пытаясь удержать на них тёплую улыбку, но в уголках губ проступила горечь. Он аккуратно вытащил руку, стараясь не потревожить Фу Гэ.

Прошло не больше пары минут, как альфа вдруг тихо приподнялся, бросил взгляд на сладко спящего бета и, вздохнув, осторожно обошёл кровать с другой стороны.

Метр девяносто с лишним роста, широкие плечи — и всё это неуклюже втиснулось в узкий промежуток между стеной и телом Фу Гэ. Альфа буквально сплющился, превратившись в тонкую «пластинку», и умудрился устроиться на боку, лицом к нему.

— Я не вонючий... — пробормотал он, как обиженный щенок, которому указали на место у двери. Голос был тихий и хриплый, полон едва сдерживаемого отчаяния. — Ты мой Гэ... Я хочу спать лицом к тебе.

— Я ведь даже пахну цветами.

<http://bllate.org/book/14453/1278315>